

ДЖЕЙН ШЕМИЛТ

ДЖЕЙН ШЕМИЛТ

УЧИТЬСЯ
ТОНУТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ш46

Серия «Психологический триллер»

Jane Shemilt
THE DROWNING LESSON

Перевод с английского *У. Сапциной*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
David Luxton Associates Ltd. и The Van Lear Agency LLC.

Шемилт, Джейн.
Ш46 Учись тонуть : [роман] / Джейн Шемилт ; [перевод с английского У. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 320 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-121503-3

Джейн Шемилт, всемирно известный автор психологических триллеров, уже знакома российскому читателю благодаря нашумевшему дебютному роману «Дочь».

История похищения девочки-подростка, запутанная сеть интриг и неожиданная развязка, приправленные родительскими кошмарами, не оставляют читателя равнодушным.

Перед вами новая книга: «Учись тонуть».

Новые герои, другое место действия, иная история.

Но все те же вечные темы и все те же родительские страхи...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Jane Shemilt, 2015
© Перевод. У. Сапцина, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

ISBN 978-5-17-121503-3

ГЛАВА 1

Ботсвана, март 2014 года

*Н*а тропу опускается знойный вечер. Все звуки гложут в стрекоте цикад. Под моими ногами хрустит крупный рыхлый песок. Идти так же легко, как и дышать. Мои мысли расквашиваются и дрейфуют в теплом воздухе.

Адам, счастливый, будет потягивать пиво, это в новинку... Зоуи сейчас, наверное, под деревьями с какой-нибудь ящерицей в руках. Элис читает, пристроившись поближе к Теко, ее темные волосы метут по странице. С утра она уже успела немного успокоиться. По саду распространяются ароматы ужина, Элизабет ставит цветы в стакан.

С тропы вспархивает хохлатый бюльбюль, его дробный крик нарушает покой: *скорей, скорей, доктор, скорей*. Золотое сияние меркнет в просветах между деревьями. В тени красным пятном вспыхивает пустынный цветок. И вот они, сумерки.

Время ужина и купания. Сэм, наверное, плачет.

Первой птице отвечает другая, потом еще одна, и вскоре на всех деревьях поднимается беспорядочный галдеж. Темнеющий воздух ощущается во рту густым, как пирожное.

Перед моими ногами тонкая змея с молниеносной быстротой скользит через тропу и скрывается в кустах. Мне хочется какой-нибудь выпивки с джином. Хочется, чтобы Адам поразился, увидев, что я добралась до дома пешком, и пожалел, что забыл проверить машину и зарядить свой мобильник.

Когда я приближаюсь к воротам, они уже окутаны тенью, но на ощупь их доски все еще горячие. Открываясь, створки ворот издают две знакомые жалобные ноты. Лягушки в пруду за домом заводят свой булькающий, как отрывка, ночной концерт. Я сбрасываю скользкие от пота шлепанцы и чувствую ступнями мягкую пыль. Облегчение от того, что я дома, болезненно распускается в грудной клетке. Я огибаю поворот подъездной дорожки, с нетерпением ожидая, когда впереди, за лужайкой с низким кустарником, в окнах покажутся первые огни.

Мне требуются считанные секунды, чтобы обнаружить весь дом ярко освещенным и увидеть скачущие по лужайке лучи фонариков. Адам кричит, его голос похож на низкий рык изнемогающего от боли зверя. Он неподалеку, у деревьев. Я перехожу на бег, Адам оборачивается, его лицо маячит в сумерках белым пятном. Зоуи стоит у стены дома и тихо плачет. Значит, не она. Элис сидит на корточках в углу. Увидев меня, она грациозно встает. И не она.

А потом я понимаю.

Тени в нашей спальне колеблются не так, как обычно. Всего через мгновение я замечаю, что занавески разорваны и чуть трепещут на легком ветру. Кучка битого стекла поблескивает на ковре под окном, несколько зазубренных осколков все еще держатся в раме.

Детская кровать пуста.

ГЛАВА 2

Лондон, март 2013 года

Это было неподходящее время, чтобы начинать разговор. Полночь. Дождь барабанил в окна, на столе между нами стояла пустая винная бутылка. Худое лицо Адама покраснелось, и он то и дело ерошил свои темные волосы, пробегая по ним пятерней. Мне хотелось пригладить непослушные пряди и прижаться губами к морщинкам между его бровей, но он явно что-то скрывал, и это меня останавливало.

На кухне царил кавардак: София ушла смотреть с друзьями какой-то польский фильм, не успев отправить по своим местам детскую обувь и сумки, валяющиеся по всему полу. Наши бокалы и картонки из-под еды тоже следовало бы убрать. На буфете давно ожидали моего просмотра покосившаяся стопка рисунков Зоуи и аккуратно сложенная математика Элис.

Список завтрашних дел начинался в восемь утра двумя гистерэктомиями. Я отодвинула стул и встала. На лице Адама застыло выражение углубленности в себя, словно он производил в уме какие-то подсчеты. Я принялась убирать со стола и складывать посуду на переполненную мойку.

У моего отца были старинные весы, они стояли на письменном столе в кабинете и куда-то подевались после его смерти. Сделанные из полированного дерева и латуни, они дополнялись рельефными металлическими разновесами. В детстве отец разрешал мне с ними играть — взвешивать его письма и бандероли. Порой тонюсенького листа бумаги хватало, чтобы нарушить баланс. Мои отношения с Адамом

были в точном равновесии с работой и успехом, но сдвиг в ту или иную сторону мог случиться в любой момент. Я с грохотом свалила в раковину столовые приборы. Я любила Адама. Мне нравилось в нем почти все: улыбка, углубляющая морщинки вокруг его глаз, то, как он подхватывал и кружил детей в конце дня, тепло его тела рядом с моим в постели, но его победы были равнозначны моим поражениям. Я желала Адаму успеха ровно до тех пор, пока его достижения не затмевали мои.

— Выкладывай. — Я потянулась за его тарелкой. Вряд ли у него получится долго скрытничать. Это может оказаться пустяком, чем-то вроде с лету поставленного диагноза или победного удара в партии в сквош.

— Тут подвернулись кое-какие исследования. — Адам прокашлялся — лишний, царапнувший ухо звук. Голос звучал маловыразительно, но расширенные зрачки следивших за мной глаз выдавали Адама с головой: нет, это не какой-то заурядный проект. Я поставила тарелку в раковину поверх ножей и вилок, села напротив, положив руки на стол, и приготовилась.

— Дай-ка угадаю: фонд «Уэлком Траст» согласился финансировать твои противораковые эксперименты со стволовыми клетками?

Гордость и зависть свернулись клубком в глубине моего живота.

Адам покачал головой и скосил глаза в сторону.

— Помнишь твои исследования двенадцать лет назад в Сан-Франциско?

Я кивнула, хотя казалось, оно было так давно, это странное, далекое время тоски по Адаму и ходьбы вверх-вниз по туманным холмам к больнице и

обратно. Под невнятные звуки джаза, залетающие в распахнутые окна лаборатории, я дни и ночи напролет пачкала и разглядывала предметные стекла, а затем анализировала и часами записывала результаты.

— ..только что поженились, но это был отличный шанс, и я тебя отпустил, — продолжал Адам.

Воспоминания о ярко освещенной полуночной лаборатории, стойках со стеклами и пустых кофейных чашках померкли. Адам пристально смотрел на меня и постукивал пальцами по столу.

В ответ я тоже уставилась на него.

— О чем все-таки речь?

Он быстро опустил взгляд.

— Мою кандидатуру одобрили на исследовательскую должность в Ботсване. На год.

В воцарившейся тишине щелкнула посудомойка. Конец цикла. Мы часто делали вид, будто не замечаем, что пора ее выгружать, но на сей раз мы играли по-новому. Адам словно врезал мне под дых, и вышла скорее драка, чем игра.

— Одобрели? Значит, какое-то время назад ты подал заявку?

Вокруг нас к каждой дверце кухонных шкафов приколоты детские рисунки, все подоконники загромождены глиняными фигурками животных Зоуи, мяч для сквоша лежит среди апельсинов во фруктовой вазе, скрипка Элис, приготовленная на завтра, ждет в углу, магнит-сердечко прижимает к дверце холодильника расписание занятий в бассейне, график моих дежурств прикреплен скотчем к стене над телефоном. Новости Адама могли изменить все это разом, а он до сих пор ни словом о них не обмолвился.

— Предложение словно с неба упало, Эм. Если бы я решил подать заявку, я бы заранее обсудил это с тобой. Разумеется.

На его щеке дрогнул мускул. Движение было мимолетным — не всматривалась бы я так пристально, не заметила бы вовсе.

— Такие вещи не делаются без обсуждения и планирования. Почему же ты раньше мне не сказал?

— С тобой иногда так трудно разговаривать... Тебя уязвляют мои успехи.

— И ты решил скрывать их?

— Просто не мог подобрать слова.

— Так расскажи теперь.

— Крис Ассазар написал мне из Йоханнесбурга. — Адам подался вперед. — Он ознакомился с моей статьей о сывороточных маркерах лимфом и считает, что онколог пришелся бы им кстати. Финансирование он обеспечит.

— «Пришелся бы кстати»?.. А поконкретнее?

— Ассазар руководит центром исследований ВИЧ в Южной Африке. В Ботсване численность инфицированных растет быстрее, чем где-либо на континенте. Известно, что у больных СПИДом высок риск развития лимфом... — Адам заговорил назидательным тоном, каким, вероятно, читает лекции студентам. Перехватив мой взгляд, он ускорил темп: — С помощью сывороточных маркеров мы сможем определить группы наибольшего риска, а стало быть, раньше приступить к лечению лимфом и продлить пациентам нормальную жизнь на месяцы, а то и на годы.

— А как же наша нормальная жизнь?

Нормальной наша жизнь не была, но каждый из нас хоть немного занимался домом и детьми, пере-

кладывая большую часть хлопот на плечи помощниц по хозяйству. Мы поочередно дежурили по скорой. В прошлые выходные я сделала четыре кесарева, а тем временем Адам держал оборону дома. Научной работой я занималась в основном по вечерам, пока он читал детям сказки. А по утрам я отвозила их в школу. Если Адам уедет в Ботсвану, мне придется за все отвечать самой, времени не останется ни на исследования, ни на клинику. Адам же с развязанными руками сможет работать сколько пожелает. И публикует еще одну статью. А я не добьюсь ничего.

Он выиграет. Он всегда отрицал, что так будет, а я ему не верила. Мои глаза горели от усталости, и мне на миг показалось, что я вернулась в школу. Оглядываясь на соперников, я пересекаю бассейн и рвусь первой коснуться стенки, а хлорка обжигает мне глаза. Как можно не желать победы?

Ножки стула царапнули по плиткам пола, Адам встал. Рядом с ним на подоконнике — серебряная рамка с фото моего отца, седовласого, с высокими скулами и глубоко посаженными глазами за стеклами-полумесяцами очков. В кадр не попали его ладони — шершавые и широкие, как лопаты. Теплые. Он был акушером, люди говорили, что у него руки хирурга, хорошо умеющего спасать жизни. Но там, в карьере, мне так не казалось. *«Можешь либо утонуть, либо поплыть»*, — сказал он. Тогда мне было пять лет.

В затопленном карьере тихо. Таинственно.

Озеро — как глубокий тенисто-зеленый ковш между высоких скал. Мы вдвоем в отцовской лодке.

День жаркий, но меня знобит. На мне купальник. Не знаю, почему я не умею плавать. Обычно мы

приезжаем сюда рыбачить, но сегодня удочки отец не взял.

— Можешь либо утонуть, либо поплыть.

Я не понимаю, что он имеет в виду, но мне становится страшно.

— Тебе решать, — говорит отец, наклоняется и обхватывает меня за талию. Поднимает, переносит через борт лодки, а потом очень осторожно отпускает.

Я ударяюсь ногами о камни на дне, ил на них мягкий, как плоть, как мамина могила.

Я открываю рот, чтобы закричать, и захлебываюсь водой.

Тусклый желтый свет сочится сквозь зеленую толщу надо мной. Пузырьки струйкой всплывают вверх.

Чей-то голос зовет меня по имени.

Оцарапав ноги о стебли тростника, я делаю рывок к поверхности и всплываю.

Адам, не переставая жестикулировать, принялся расхаживать взад-вперед — сделал несколько шагов, повернулся и направился обратно. Его слова звучали так гладко и складно, будто он тренировался произносить их вслух в машине по дороге домой.

— ..даже к лучшему для них обеих. Неважно, если Зоуи пропустит первый школьный год. В скандинавских странах, например, пятилетние дети совсем не ходят в школу. А Элис забежала вперед так далеко, что могла бы забросить учебу на весь остаток пятого класса и даже не заметила бы этого. — Он снова сел и раскинул руки, словно преподнося мне подарок. — А ты могла бы уйти в длительный отпуск и заняться любимыми исследованиями, какими захочешь.

Выходит, Адам хочет взять нас с собой в Ботсвану. Я уставилась на него поверх стола невидящим взглядом и снова перенеслась в прошлое, на этот раз на десять лет назад, в раннее утро на кухне, когда залпом допивала кофе и дописывала статьи, пока Адам и малышка Элис спали. Так же было и после рождения Зоуи. С тех пор как меня назначили консультантом, жизнь превратилась в постоянное чередование работы в клинике и научных исследований. Я даже отгулов почти не брала. Как же я могла уехать на целый год? Адам публиковался чаще меня, но я была моложе. Я бы наверстала упущенное и догнала его. Ничто не давалось мне без труда, время на науку по-прежнему приходилось выкраивать. Семейные дела просачивались в каждую щель, выталкивали меня на поверхность и вместе с тем тянули на дно.

— Ну пожалуйста, Эм?..

Сидящий напротив Адам подался вперед, ожидая, что я соглашусь. Два года назад ему загорелось обзавестись третьим ребенком. Он упрашивал меня, но я только вступила в должность и несла ответственность за свою группу. Время было неподходящее. У нас уже появились Элис и Зоуи, и все только-только наладилось. Относительно. Тогда я отказалась и сделала бы то же самое теперь. Исследования Адама в Ботсване — это дольше, чем беременность. Лучше уж родить, чем провести целый год за границей: младенца все-таки можно кое-как втиснуть в график. Теперь очередь Адама от чего-то отказаться.

— И когда все это должно произойти? — спросила я.

Надо было собраться с мыслями, но я очень хотела спать. В обычный вечер, такой же, как любой другой, на кухне было бы уже спокойно. Люстра бы

не горела, и комната освещалась бы мягким светом настенных ламп. Адам читал бы газету, задрав ноги повыше и попивая чай, а я просматривала бы работы девочек. Слышались бы только тиканье часов и шелест страниц, да еще, может быть, один из любимых Адамом квартетов Моцарта приглушенно играл бы, сплетая события дня воедино.

— Понадобится некоторое время, чтобы все уладить, оформить финансирование и собрать команду.

Адам понизил голос. Он решил, что уже победил.

— Меган обещала помочь. Ее родители работали в одной из ботсванских миссий. Там она и выросла. Если начать прямо сейчас, организация исследований займет девять месяцев. От силы десять. Мы можем быть там уже к Рождеству. — Теперь Адам улыбался. — Это будет нашим шансом помочь людям и придать собственной жизни настоящий смысл.

Но мы и так помогали людям. И наша жизнь была исполнена смысла. Я заставила себя встать и, забыв о посудомойке, пустила воду в раковину с кучей тарелок и столовых приборов. На мою одежду полетели брызги. Меган — верная секретарша. Она готова на все, чтобы Адам получил то, что хочет. Вот только своих детей у нее нет, и вряд ли она сознает, как отразятся планы Адама на наших девочках. Да, они сейчас справляются, но что будет, если мы вырвем их из привычной обстановки? Они заслужили выбор, который был у меня. А именно — возможность не отставать и усердно трудиться.

Я почувствовала, как руки Адама, проскользнув, обняли меня сзади.

— Это было бы приключением, — сказал он.

Когда-то я обожала это слово. Оно означало поездки с палатками по Европе на велосипедах или по

Америке автостопом с рюкзаками за спиной. Я соскребла ножом остатки песто, прилипшие к тарелке. Теперь в приключениях я не нуждалась. Мне хотелось лишь одного — жить здесь, в Лондоне. Адам прижимал ладони к низу моего живота. Несмотря на усталость, я почувствовала, что мое лицо запыхало от желания.

— Как думаешь?.. — спросил Адам, касаясь губами моей шеи.

Я обернулась. Его рот был слегка приоткрыт, дыхание отдавало вином. От выпитого у меня кружилась голова. Он сказал, потребуется девять месяцев, если начать прямо сейчас. Значит, у меня еще есть время. Я что-нибудь придумаю, выживать я умею. И это переживу.

— Давай не будем решать прямо сейчас. — Я поцеловала его. — Мы оба слишком устали. Еще будет время это обсудить. Завтра или в выходные. Идем в постель.

Я взяла его за руку. Рисунки и домашние задания можно просмотреть и завтра. Когда мы выходили из кухни, я услышала легкие шаги, которые пронеслись вверх по лестнице, опередив нас, а потом — тихий звук закрывающейся двери. Должно быть, София прокралась вниз незамеченной. Ее комната по соседству с комнатой Элис. В последнее время Элис очень уставала. Надеюсь, София не разбудила ее.

Мы закрыли дверь нашей спальни и прислонились к ней в темноте, задыхаясь и прижимаясь друг к другу, раскрепощенные вином и усталостью. Адам принялся стаскивать с меня свитер, а я расстегнула ему ремень. Мы смеялись.

Он опрокинул меня на кровать и просунул ладони под юбку. Нам следовало остановиться — мне